

Научная статья

УДК 81'38'371'374.3

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-28-50

Советская газетная метафора: жизнь после смерти

Евгения Наумовна Басовская

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Jeni_ba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

Аннотация

Статья посвящена истории советских метафор, зафиксированных в качестве газетизмов «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и продолжающих использоваться в постсоветском медиатексте. Отмечается, что метафора, характерная для определенной эпохи и актуализируемая в журналистских публикациях последующих десятилетий, способствует трансляции ментальных структур прошлого, а ее изучение необходимо для адекватной оценки воздействия текстов СМИ на современное общество. На материале газеты «Коммерсантъ» 1991–2022 гг. автор рассматривает семантическую и стилистическую эволюцию метафор *болячка* и *гидра*. Демонстрируется постепенная деполитизация образов при сохранении принципа лексического переноса – от частного к общему, от конкретного к абстрактному. Делается вывод о стабильной востребованности метафор, прежде всего имеющих разговорный характер, медиатекстом, ориентированным на экспрессию и доступность. По итогам проведенного исследования даются лексикографические рекомендации, предлагается отражать в толковых словарях современного русского языка регулярно проявляющиеся в текстах СМИ метафорические значения слов.

Ключевые слова

метафора, советский газетный текст, медиатекст, стилистическая окраска, расширение семантики, деполитизация образа

Для цитирования

Басовская Е. Н. Советская газетная метафора: жизнь после смерти // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 28–50. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-28-50

© Басовская Е. Н., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 28–50

Critique and Semiotics, 2023, no. 1, pp. 28–50

Soviet Newspaper Metaphor: Life after Death

Evgeniya N. Basovskaya

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

Jeni_ba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

Abstract

The article is devoted to the history of Soviet metaphors, recorded as gazetteisms by the Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by D. N. Ushakov, and continuing to be used in the post-Soviet media text. The metaphor, characteristic of a certain era and actualized in journalistic publications of subsequent decades, contributes to the broadcast mental structures of the past, and its study is necessary for an adequate assessment of the impact of media texts on modern society. Based on materials of the newspaper “Kommersant” 1991–2022, the author examines the semantic and stylistic evolution of soviet metaphors *sore* and *hydra* and demonstrates gradual depoliticization of images while maintaining the principle of lexical transfer – from the particular to the general, from the concrete to the abstract. In the conclusion the article show the stable demand for metaphors, primarily of a conversational nature, by a media text focused on expression and accessibility. According to the results of the study, the author gives some lexicographic recommendations, it is proposed to reflect in the explanatory dictionaries of the modern Russian language the metaphorical meanings of words that regularly appear in the texts of the media.

Keywords

metaphor, Soviet newspaper text, media text, stylistic connotation, expansion of semantics, depoliticization of image

For citation

Basovskaya E. N. Soviet Newspaper Metaphor: Life after Death. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 28–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-28-50

Метафора относится к числу явлений, на протяжении столетий привлекающих внимание исследователей. Посвященные ей труды не только многочисленны, но и многоаспектны (подробно рассматривались в частности ее собственно лингвистическая и когнитивная природа, источники и механизмы, связь с другими видами многозначности, выразительная сила и др.) (см., например: [Теория метафоры, 1990]). При этом сохраняются предметные области, в меньшей степени изученные и описанные. Среди них – культурно-историческая укорененность метафоры, ее соотношение с историческим периодом, в котором она возникает или актуализируется.

Несомненно, лингвокультурологический подход к метафоре представлен в литературе достаточно широко (см. [Арутюнова, 1990; Карасик, 2002; Лакофф, Джонсон, 2004] и др.). Классическими стали положения, сформулированные В. Н. Телия как результат собственных изысканий и обобщения трудов предшественников: «Метафора... может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию...» (здесь и далее подчеркнуто нами. – Е. Б.) [Телия, 1988, с. 180].

Нельзя не заметить, что внимание специалистов сосредоточено преимущественно на национально-специфичных характеристиках метафоры, отражающих особенности языковой картины мира того или иного этноса. Значительно меньше исследований проведено в области исторической эволюции метафоры и ее соотношения с менталитетом определенного поколения. В то же время, по точному замечанию А. П. Чудинова, «каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор» [2013, с. 104]

В ограниченном объеме изучена сегодня и функционально-стилистическая специфика метафоры, ее соотнесенность со стилиевой принадлежностью текста, в котором она применяется, хотя, по мысли В. Г. Костомарова, существует специфика «газетного использования» выразительных средств языка, определяющаяся особенностями этого «прагматического стиля» [1971, с. 170]. Аналогичное утверждение встречается и в работах Г. Я. Солганика, настаивающего на выделении «газетно-публицистического типа» метафор [1980, с. 14]. Практически о том же, на наш взгляд, говорит и И. М. Кобозева, оперирующая не функционально-стилистической, а дискурсологической терминологией: «...единых критериев метафоричности для разных типов дискурса... не должно быть, поскольку в разных типах дискурса метафора выполняет разные функции» [2001, с. 134].

Данная статья посвящена истории метафор, активно использовавшихся в газетном тексте в советский период и переместившихся, с некоторыми семантическими и стилистическими трансформациями, в современный медиатекст. Актуальность избранной проблематики определяется тем, что метафора, энергично транслируемая средствами массовой информации, оказывает существенное влияние на картину мира реципиента. Как подчеркивает Т. Белт, «выбор метафор, используемых для передачи политической информации, может иметь мощный воздействующий эффект на ново-

стную аудиторию» [2007, с. 10]. О том же пишут авторы коллективной монографии «Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ»: «...метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием» [Будаев и др., 2021, с. 5]. Соответственно, метафора, характерная для определенной эпохи, становится своего рода вербальным «контейнером» для ментальных структур прошлого. Изучение подобных транспозиций необходимо для адекватной оценки воздействия текстов СМИ на современное общество.

Цель исследования – охарактеризовать важнейшие тенденции в эволюции советской газетной метафоры в период, последовавший за распадом СССР; дать вытекающие отсюда лексикографические рекомендации. В перспективе это могло бы способствовать ослаблению той асимметрии, которая, безусловно, существует между словарным представлением многозначного слова и его текстовой реализацией.

Исследование проведено с опорой на ту часть обширной научной литературы, в которой метафора рассматривается в историко-культурном контексте. В этом отношении значимы работы Л. В. Балашовой [1999; 2013] и Р. Н. Кондратьевой [2014]. Существенным представляется тезис Л. В. Балашовой об устойчивости, демонстрируемой в диахронии определенными перцептивными моделями и формируемыми на их основе метафорическими полями [1999, с. 84]. Р. Н. Кондратьева, опираясь на большой корпус лингвокультурологических трудов, посвященных метафоре, указывает: «Метафорический перенос рождается не в некоей абстрактной среде, а в конкретную эпоху и в конкретной социокультурной ситуации, поэтому возникшая метафора в полном объеме отвечает условиям и потребностям этой ситуации и отражает ее как на ассоциативном, так и на вербальном уровне» [2014, с. 105].

Специфика функционирования метафоры в публицистическом тексте изучена пока недостаточно. На наш взгляд, работа в этом направлении может опираться на положение, сформулированное З. К. Хачецуковой и А. А. Ворожбитовой: «Публицистический текст газетной статьи правомерно рассматривать как вид ораторской прозы, как сложное риторическое образование, что проявляется как в содержании текста... так и в речевой форме текста как единстве его логической и экспрессивной структур... Экспрессивная лексика в публицистическом тексте несет в себе отпечаток общей логики текста, подчиняется ей и одновременно придает особую выразительность и убедительность...» [Хачецукова, Ворожбитова, 2021,

с. 115–116]. Эти же авторы, отталкиваясь от идей Э. Лассан, подчеркивают особую роль концептуальной метафоры как «глубинного предиката текста, который распределяет роли для участников действия...» [Там же, с. 84].

Важные наблюдения, касающиеся своеобразия газетно-публицистической метафорики, содержатся и в ряде других исследований. Так, А. Н. Барановым [2003] выявлена зависимость частоты и креативности использования политической метафоры от социально-исторического контекста (возрастание активности метафоризации в публицистике оценивается как один из ярких симптомов политического кризиса).

Феномену советской метафоры посвящены многочисленные, но пока разрозненные публикации (этот вопрос ждет более системного и основательного изучения). Важные наблюдения содержатся в работах Т. Ю. Быковой [2011а; 2011б; 2012а; 2012б; 2014], продемонстрировавшей последовательную смену ключевых метафорических моделей в советском пропагандистском дискурсе (например, выдвижение на первый план метафоры родства в послевоенный период), и А. П. Чудинова, констатирующей в частности высокую активность механистической и военной метафоры в языке советского периода [2010, с. 75–76].

Таким образом, в основе данного исследования лежит намеченный в трудах предшественников диахронно-стилистический подход к метафоре, предполагающий анализ функционирования и трансформации в современном публицистическом тексте метафор, зафиксированных лингвистическими словарями более ранних исторических периодов. В качестве источника эмпирического материала использованы толковые словари советского и постсоветского времени, а также публикации газеты «Коммерсантъ» 1991–2022 гг.

На первом этапе анализа из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова были выбраны все лексемы, получившие помету «газет.». Показательно, что она относительно последовательно применялась только в двух первых томах словаря, вышедших в 1935 и 1938 гг., в третьем томе такую характеристику имеют только два слова.

Причины, по которым составители в дальнейшем отказались от данной маркировки, нам неизвестны. Можно предположить, что она была сочтена недостаточно определенной; вероятно, возникли затруднения с разграничением стилистических характеристик «газетное» и «публицистическое» (вторая помета сохранилась в двух последних томах словаря, опубликованных в 1939 и 1940 гг.). Судя по всему, есть основания говорить о неудавшемся лексикографическом эксперименте.

Перечень слов, представленных в ТСРЯ в качестве газетизмов, относительно невелик – 139 единиц. Из них 25, по данным словаря, являются принадлежностью публицистического стиля в метафорическом значении:

Акула – перен. Корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор (газет., ритор.). *Акулы капитализма*.

Атака – перен. Действия, направленные против кого-н. или для достижения какой-н. цели (разг., газет.). *Дипломатическая а. против советского предложения о разоружении. Соседи повели атаку на освободившуюся квартиру.*

Блокада – 2. Система мероприятий, имеющих целью изолировать какое-н. государство, лишить его возможности поддерживать общественно-политические, торговые, культурные отношения с другими государствами (полит., газет.). *Экономическая б. Моральная б. Мирная б.*

Болячка – перен. Недочет, уязвимое место (газет.). *Болячки аппарата.*

Болезнь – 2. перен. Уклонение от нормы, расстройство чего-н. (книжн. газет.). *Б. транспорта.*

Буксир – 3. перен. Общественное содействие кому-чему-н. для ускорения темпа работы (нов. газет.). *Общественный б. Брать кого-н. на б.* (помогая кому-н., ускорять темп его работы).

Вексель – перен. Гласное, торжественное обещание, обязательство (книжн., газет.). *Надавать векселей избирателям.*

Вендетта – Страстная, ожесточенная месть (ирон. газет.).

Вердикт – перен. Суждение, мнение о каком-н. деле (газет.). *В. общественного мнения.*

Верхушка – 2. перен. Руководящие лица какой-н. общественной или политической организации (нов. разг., газет.). *Правительственная в. В. партии. В. профсоюза.*

Вой – 2. перен. Шумный протест, возмущение, брань, жалобы (газет.). *Бешеный в. монархических газет.*

Вылазка – 2. перен. Нападка, неожиданный выпад против кого-н., выходка (разг. газет.). *Неожиданные вылазки собеседника. В. классового врага.*

Гекатомба – перен. Массовая бесполезная гибель людей (газет.). *Империалистическая война сопровождалась грандиозными гекатомбами.*

Гидра – 2. перен. Враждебное тайное политическое движение, борьба с которым требует много сил и времени (газет.). *Г. контрреволюции. Г. революции* (в устах монархистов).

Гнойник – 2. перен. Возбудитель или источник, очаг какого-н. вредного общественного явления (газет.). *Необходимо вскрыть гнойники бюрократизма.*

Головка – 3. Группа вожаков, главарей, центральный руководящий орган (нов. разг., газет.). *Г. профсоюзных организаций. Г. сельсовета.*

Завеса – Дымовая завеса – 2) *перен.* какое-н. мероприятие для сокрытия тайных намерений, для отвода глаз (книжн., газет.).

Звено – 2. *перен.* Составная часть, составной элемент какого-н. связанного целого (книжн., газет.). *Ведущие группы рабочих составляют основное звено коллективизации сельского хозяйства. Низшие звенья советского аппарата.*

Зигзаг – 2. *перен.* Непрямое, уклончивое, извилистое направление (мыслей, чувств, поступков; газет.). *Умственные зигзаги. Политика зигзагов. Медленным шагом, робким зигзагом... тише вперед, рабочий народ!* (сатира на меньшевиков).

Кликуша – 2. *перен., м. и ж.* Истериически несдержанный, страстный и бестактный политикан (газет. публиц. презрит.). *Газетный или газетная к.*

Кликушество – 2. *перен.* Поведения кликуши (во 2 знач.; газет. публиц. презрит.).

Концерт – 3. *перен.* Согласованные выступления нескольких государств (книжн., газет.). *К. великих держав. Европейский к.*

Король – 4. Крупный капиталист, первенствующий в какой-н. области промышленности или торговли (газет.). *Сахарный к. Нефтяной к.*

Крен – 2. *перен.* Уклон, изменение политической ориентации (газет.). *Австрийские социалисты сделали большой к. вправо.*

Массив – *перен.* Основная масса кого-чего-н. (нов. газет.).

Как мы видим, стилистическая информация о метафорах-газетизмах в ТСРЯ в некоторых случаях дополняется пометами *книжное* (5 раз), *разговорное* (4 раза), *новое* (4 раза), *презрительное* (2 раза), *риторическое*, *политическое*, *публицистическое*, *ироническое* (по одному разу). Не исключено, что наиболее регулярное сочетание газетной и книжной стилистической окраски стало одной из причин отказа от пометы *газетное* в пользу варианта *публицистическое* (в начавшей формироваться в годы подготовки словаря советской функциональной стилистике публицистический стиль был уверенно отнесен к числу книжных – подробнее об этом см. [Басовская, 2022]).

Для дальнейшего анализа были отобраны две лексемы – *болячка* и *гидра*. Несмотря на то что в ТСРЯ оба существительных даны с единственной пометой – *газет.*, имеются основания для их функционально-стилистической оценки как разговорного и книжного. В частности соответствующая стилистическая характеристика первого слова (правда, представленного только в прямом значении) содержится в «Большом академическом словаре русского языка»: «БОЛЯЧКА... Разг. Не до конца зажившая ранка на коже (обычно покрытая сухой корочкой)...» (БАС2, 2005, т. 2, с. 129). Принадлежность второй лексемы, реализуемой

в метафорическом значении, к числу книжных отмечена «Большим толковым словарем русского языка»: «3. Книжн. О крайне отрицательных, враждебных явлениях, силах, людях; чудовище» (БТС).

Оба слова были впервые зафиксированы в метафорическом значении «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) подтверждает их функционирование в советский период в качестве метафор-газетизмов:

Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нём говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с её расплывённостью (Сталин И. В. Против опошления лозунга самокритики. Правда. 1928);

Чтобы сделать уже текущий год годом решительного подъема в животноводстве, надо обнажить болячки и нащупать слепые звенья, которые следует немедленно заменить (Известия. 05.03.1934);

Те «болячки», те неуладки в сельском строительстве, о которых говорил техник Степанычев, в одинаковой мере тревожат и орловцев, и туляков, и курян (Огонек.1959. № 33);

Видя надвигающуюся опасность, рабочий класс начал интенсивно быстро готовиться к борьбе с капиталистической гидрой, готовой задушить рабочий класс в своих цепких щупальцах (Сибирский анархист. 1918);

Там теперь только и можете услышать: «Сукин сын, паразит, гидра, буржуй, подлец и т. д.» (Вольное казачество. 1930. № 63–64).

При этом материалы НКРЯ демонстрируют тот факт, что ни использование слова *болячка* для обозначения проблем и недочетов, относящихся к социально-экономической сфере (в том числе генитивная конструкция – *болячка чего-либо*), ни употребление существительного *гидра*, толкуемого как нечто вредное и враждебное, не было несомненной новацией послереволюционного «новояза» и встречается в русской художественной литературе и публицистике не только начала XX, но также в XIX и XVIII вв.:

Где же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудия нет? (Екатерина II. Полемика с Новиковым. 1769);

Ей стали известны все скрытые безобразия, все сердечные недуги, все скорби и болячки кругогорского общества (Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. 1856–1857);

Но «соборно» можно подойти к этой болячке русского народа, болячке русской истории (Розанов В. В. О «соборном» начале в церкви и о примирении церквей. 1903–1906);

Рудокопные заводы, монетные дворы, бумажные деньги суть гидры народные (Радищев А. Н. Записка о податях Петербургской губернии. 1786–1788);

К России, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России тоже прикоснулась... гидра нелепых и преступных мечтаний чуждого нам мира (Корф М. А. Записки. 1838–1852);

Рисуешь себе торжествующее шествие революции, затоптанную в грязи гидру самодержавия... (Савинков Б. В. (В. Ропшин). Воспоминания террориста. 1909).

Соответственно, ТСРЯ зафиксировал не появление у слов *болячка* и *гидра* новых значений, а лишь интенсификацию метафорического использования данных лексем в средствах массовой информации.

Толковые словари более позднего времени отразили слово *болячка* исключительно в прямом значении – небольшая, не вполне зажившая ранка на коже (БАС1, 1950, т. 1; МАС, 1957, т. 1; БАС2, 2005, т. 2; Ожегов, 2006 и др.). Метафорическое значение существительного не зафиксировано ни «Словарем русских политических метафор», ни «Толковым словарем языка Совдепии», ни словарем «Из метафорического фонда» Н. Д. Бессарабовой (СРПМ, 1994; ТСЯС, 1998; Бессарабова, 2015). Всё это косвенно свидетельствует о снижении активности метафоры во второй половине XX в.

Значительно большее внимание составители лингвистических справочников уделили переносному значению слова *гидра*, представляющего собой своего рода лексикографическую загадку. Дело в том, что ни одно из его значений не может быть с уверенностью названо прямым. Составители ТСРЯ и нескольких последующих словарей сочли таковым значение из области древнегреческой мифологии: «многоголовая змея, у к-рой на месте отрубленных голов выростали новые» (ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 557; БАС1, 1954, т. 3, стб. 94; БТС, 2014). Однако в дореволюционном «Словаре церковно-славянского и русского языка» первым, прямым является другое значение слова *гидра* – «ядовитая змея» (СЦиРЯ, 1847, с. 260).

Впрочем, метафорический перенос «гидра – непобедимое зло» явно происходил с опорой на мифологическую сферу-источник. Не случайно в первом издании «Большого академического словаря», где метафорическое толкование отсутствует, но наличие переносного значения подтверждается обширным иллюстративным материалом, в первом же примере образ гидры соседствует с упоминанием о чудовище: «Переносно. [Заруцкой:] *О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам,*

каким *чудовищам* – каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества. Лерм.» (БАС1, 1954, т. 1, стб. 94). Примером ограничено и представление метафорического употребления слова в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Г. злословия (перен.)» (Ожегов, 2006, с. 129). Приведенная здесь генитивная конструкция действительно является одной из основных грамматических «упаковок» данной метафоры.

В новом же издании «Большого академического словаря» (как и в «Толковом словаре языка Совдепии», а также в «Большом толковом словаре русского языка») предложено толкование, во многом напоминающее то, которое было закреплено в ТСРЯ, но значительно более широкое, не ограничивающее бытование метафоры политической сферой: «2. Перен. О крайне отрицательных, враждебных явлениях, силах» (БАС2, 2006, т. 4, с. 107; ТСЯС, 1998, с. 117; БТС, 2014). Отражен данный устойчивый образ и в «Словаре русских политических метафор», где представлено использование слова в СМИ: «Вместе с тем за все эти гнетущие годы коммунии и волос не упал в миллионноглавой гидры партократии...» (СРПМ, 1994, с. 113), причем данный пример решительно возвращает метафору в исходную, политическую область применения.

Таким образом, на основании анализа словарных данных можно сделать вывод о том, что зафиксированные ТСРЯ советские метафоры-газетизмы *болячка* и *гидра* имели глубокие корни в истории русского литературного языка. При этом разговорное существительное *болячка* сохранило в качестве максимально частотного в публичной речи прямое значение и не было осмыслено в лексикографии второй половины XX – начала XXI в. как типичное метафорическое средство публицистического стиля. У слова *гидра* переносное значение, напротив, выдвинулось на первый план и, по мнению составителей некоторых словарей, обособилось от буквального (зоологического), что привело к появлению омонимов (БАС2, 2006, т. 4, с. 107–108).

На втором этапе исследования было рассмотрено использование лексем *болячка* и *гидра* в русском публицистическом тексте постсоветского периода (примеры получены методом сплошной выборки из корпуса текстов газеты «Коммерсантъ» 1991–2022 гг.).

Существительное *болячка* использовано в течение указанного периода 190 раз, реже всего (11 вхождений) в прямом значении – «незажившая ранка, струп»:

Животные начинают чесаться и тереться мордой о диваны, ковры и стены. Многие владельцы бегут в ветеринарные клиники и там их животным ставят диагноз авитаминоза или аллергии. На самом же деле достаточно смазать болячки успокаивающей мазью... (07.05.1994);

...очень болят коленки. У мальчика они все сине-бордовые от синяков и болячек, которые не успевают заживать (10.06.2022).

Переносное значение «недочет, уязвимое место», характерное для формы множественного числа существительного, реализуется в публикациях «Коммерсанта» 20 раз за 21 год, что следует оценивать как низкую частотность. Метафора наиболее характерна для материалов 1990-х – первой половины 2000-х гг.:

Директора предприятий... стали первыми жертвами неразберихи начального этапа экономических реформ, ибо в отсутствие парткомов народ со всеми своими болячками пошел именно к ним (09.10.1992);

Война же расставила все точки над *i*, оставив россиян и весь мир в растерянности от обнажившихся болезней и болячек, с которыми сжилась страна, да, наверное, и весь мир (10.01.1995);

А еще Индия, Китай, Нигерия, и все со своими болячками... (03.02.1999);

Самозванный наследник великой русской литературы... Владимир Шаров успешно перенял все застарелые болячки: наступает на те же мозоли (нации и национальности)... (09.07.2003).

С течением времени использование в газете образа болячки как социальной или психологической проблемы идет на спад, и в последние годы становится редкостью. Даже прибегая к данной метафоре, журналист ищет для нее опору в переносном значении однокоренного слова *болезнь* – «отклонение от нормы в чём-л.; отрицательное качество, свойство» (БТС, 2014):

Поляризация общества зрела давно, но раньше это была скрытая форма начинающейся болезни. С появлением Трампа все болячки вылезли наружу (07.11.2018).

Такое употребление слова *болячка*, отсылающее прежде всего к языку советских СМИ, встречается в последнее десятилетие лишь в единичных публикациях, причем не в авторском журналистском тексте, а в цитатах:

«О чем сейчас можно говорить, выступая перед ООН? <...> О тех многочисленных болячках человечества, которые... пандемия обострила», –

анонсировал тему его видеовыступления пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков (15.09.2020).

Тем не менее в речи чиновников и бизнесменов, многие из которых имеют советский опыт, образ болячки как социального порока остается настолько органичным, что способен полностью вытеснить из сознания говорящего прямое значение слова. В противном случае не была бы возможной парадоксальная лексическая сочетаемость:

Думаю, на текущий год мы сохраним примерно тот же самый объем инвестиций, в первую очередь они пойдут на поддержание существующих мощностей, замену изношенного оборудования, его модернизацию... Пока есть возможность, стараемся все болячки и проблемы причесать (Гендиректор «Уралхима» Дмитрий Коняев. 17.06.2015).

Максимальную же активность в «Коммерсанте» (более 100 вхождений) демонстрирует значение слова *болячка*, не отраженное ни академическими словарями синонимов (Александрова, 1975, с. 47–48; ССРЯ, 2003, с. 80), ни большей частью толковых словарей, – «болезнь», «заболевание». Уже в 1990-х болезни людей и животных иногда упоминаются в газете под названием *болячки*, причем это допускается и в высказываниях интервьюируемых лиц, где существует установка на имитацию живой разговорной речи, и в собственно журналистских текстах:

С возрастом у отмеченных когда-то лучшим здоровьем людей проступают всякие болячки. Профессиональным космическим заболеванием считаются болезни сердца (10.07.1993);

Если собаке правильно и своевременно были сделаны прививки, если ее правильно кормят и соблюдают гигиенические процедуры, то она не побеспокоит вас своими болячками (16.12.1995);

От авитаминоза, как и от других болезней, мы спасаемся работой. Когда много работаешь, на болячки просто не обращаешь внимания (Александр Субботин, пресс-секретарь Инкомбанка. 27.02.1997).

Именно этот метафорический перенос зафиксировал, хотя и без различия смысловых оттенков, «Большой толковый словарь русского языка»: «2. *только мн.*: болячки, -чек. О чьих-л. болезнях, горестях и т. п. *Рассказать о всех своих болячках*» (БТС).

Материалы «Коммерсанта» отражают постепенное расширение нового переносного значения: от *болячка* – «болезнь» до *болячка* – «проблемы со

здоровьем». Такая модификация семантики наиболее характерна для речи спортсменов, называющих *болячками* не только заболевания, но и травмы:

Кто знал, к примеру, что за четыре месяца до Атланты в Будапеште я «оторву» себе руку? Вот и получилось по-тихому: полностью «оторва-лась» рука. Прооперировали. В Атланте добавил болячек. Результат: на всех олимпийских схватках смог провести лишь считанные приемы (Александр Карелин, олимпийский чемпион по борьбе. 19.09.1997);

...Какие-то болячки есть практически у каждого: у кого-то потянута мышца, у кого-то болит колено (Олег Романцев, футбольный тренер. 24.11.1998).

Именно это, расширительное толкование слова *болячка* как любой проблемы со здоровьем демонстрирует максимальную активность в газетных публикациях последних лет, прежде всего в материалах спортивной тематики:

Однако жалеть раненого Рафаэля Надаля было рано. Он подлечил болячки... и заиграл по-новому, серьезно добавив в резкости и агрессивности (11.10.2020);

Большунов, которому в межсезонье портили подготовку разные болячки, на предолимпийских этапах Кубка мира держался чуточку скромнее, чем обычно... (03.02.2022).

Проведенный анализ показывает, что в современном газетном тексте советская метафора «болячка – недочет, уязвимое место» сохраняется в существенно измененном виде. Образ почти не используется для характеристики – и тем более критики – социальной реальности. Значение слова *болячка* как будто вернулось к предметному полю «здоровье, медицина», ставшему в свое время источником метафоры. Это произошло вполне закономерно, в соответствии с функционально-стилистической окраской лексемы. Будучи разговорным, слово подверглось естественному воздействию живой (прежде всего устной) речи. Новое значение перешло из спортивного дискурса в общепублицистический. Можно говорить о том, что произошло ослабление фигуральности: более простой, доступный наивному носителю языка, близкий перенос, который можно даже квалифицировать как метонимический (*болячка – болезнь – проблемы со здоровьем*), решительно потеснил более сложную и, несомненно, воплощенную в метафору идею *болячки* как социальной проблемы.

Существительное *гидра* демонстрирует в газете «Коммерсантъ» значительно более низкую активность: 68 вхождений, причем часть их – в качестве имени собственного (что для данного исследования нерелевантно). Около 10 раз *гидра* упоминается как мифологическое чудовище:

Тут и отсылки к античным героям (Генрих в виде Геракла, побеждающего Лернейскую гидру), и к древним богам, и король-семьянин, и народное творчество (14.10.2017).

Более 15 раз в газетных текстах встречается политическая метафора, причем в точном соответствии с данным в ТСРЯ, отражающая противоположные мировоззренческие позиции: *гидра контрреволюции*, *капитализма*, *империализма*, с одной стороны, и *гидра большевизма* – с другой; *гидра коммунистическая* – и *гидра олигархическая*. Газетные публикации демонстрируют идеологическую универсальность метафоры:

Нехитрая мысль о том, что гидра тоталитаризма неистребима, подана в форме старомодного и убогого гротеска (23.05.1995);

Патриоты-государственники, они же правоохранители, в борьбе с либеральной «гидрой» на компромиссы уже не идут (25.06.2016).

В рамках политической тематики максимальную частотность имеет словосочетание *гидра терроризма*, отражающее одно из наиболее актуальных и опасных явлений последних десятилетий:

Ежику понятно, что это аллегория – Америка объединяется с Англией на почве борьбы с гидрой терроризма (11.09.2002);

Министр призвал международное сообщество активизировать усилия, чтобы уничтожить «гидру терроризма» (09.06.2003);

После терактов 11 сентября в глазах нации президент Буш предстал единственным полководцем, который способен взвалить на себя тяжелую ношу борьбы с невидимой и многоголовой гидрой мирового терроризма (09.02.2004);

В наших общих интересах гидру терроризма обезглавить. И возможности такие имеются, если объединить усилия (Основатель ПИР-Центра Владимир Орлов о предстоящей встрече Владимира Путина и Дональда Трампа. 16.07.2018).

Привлекательность метафоры «гидра – опасный политический противник» заключается в лаконизме и ёмкости образа: для просвещенного читателя достаточно одного этого слова, чтобы представить себе зловещего противника, способного возродиться после, казалось бы, одержанной над

ним победы. Правда, у данной метафоры есть и очевидный – с точки зрения автора текста, рассчитанного на массовую аудиторию, – недостаток: она не общепонятна. Закономерно, что даже в газете «Коммерсантъ», позиционирующей себя как качественное издание для образованных читателей, частотность слова *гидра* весьма невысока.

Однако, несмотря на ограниченность применения, метафора, изначально связанная с образом мифологического чудовища, претерпела с течением времени определенную трансформацию. Максимальное число случаев ее использования (более 20) связано в «Коммерсанте» постсоветского периода не с политикой, а с другими сферами жизни. В речи журналистов и их собеседников существительное *гидра* используется для обозначения явлений, с которыми невозможно справиться, из области искусства, спорта и бизнеса:

В «Дориане Грее» хореограф так занят бичеванием ядовитой гидры гламура, что не замечает, как сам становится смешон (30.07.2009);

Ну да, конечно, все тренеры знают, как победить каталонскую гидру: надо лишить ее пространства; заставить спешить с передачами; строго выдерживать оборону и поочередно отрубать у нее десять голов, каждая из которых может смертельно ужалить (22.02.2013);

Проверяющие показали себя гидрой. Плановые проверки бизнеса снижаются, но растут внеплановые при ЧП (19.03.2020).

Одна из тенденций, проявляющихся в текстах «Коммерсанта», – стремление журналиста не только воспроизвести, но и иронически переосмыслить высказывание некоего лица, упоминающего о *гидре* как о воплощении зла:

– Как только начинаем обсуждать татарский вопрос, сразу врывается гидра озлобленности, – ...пояснил академик Нигматулин. – Эта гидра царствует и в научных кругах.

К глубочайшему сожалению, эта гидра, как только он закончил, ворвалась и в зал «Президентский» Академии наук, где происходило заседание (17.01.2003);

Нынешний российский министр культуры... Александр Соколов... в последнее время... предпочитает короткие и яркие метафоры. То у него выплывает в мир «стоглавая гидра интернета», то рекламные паузы видятся «вторжением инфекции»... «Трехглавая гидра Минкульт» в лице господ Соколова, Швыдкого и Сеславинского вообще не произнесла ни одной «красивой» фразы... (17.06.2005).

Примеры такого рода показывают, что образ гидры может рассматриваться журналистом, выступающим в интересах широкой общественности, как проявление риторической избыточности и, соответственно, содержательной необузданности или даже пустоты высказывания высокопоставленного лица.

В некоторых случаях комический эффект возникает и без специальных усилий со стороны редакции газеты. Дело в том, что в переносном значении существительное *гидра*, как и *болячка*, представляет собой речевой штамп и, следовательно, подвергается десемантизации. Именно этим процессом объясняется противоречащее здравому смыслу употребление слова в высказывании чиновника высокого ранга:

Споры вокруг структуры организации омбудсмен объяснил позицией региональных отделений, которые считают, что сопредседательство – «это многоголовая гидра, которая не даст результата» (24.09.2012).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Функционирование советских газетных метафор *болячка* и *гидра* в медиатексте 1990-х – 2020-х гг., сопровождающееся дальнейшим расширением семантики слов, свидетельствует о стабильности метафорического мышления и воспроизводимости путей метафоризации. Открытая однажды возможность обозначения проблемы словом *болячка*, а опасного противника – словом *гидра* приводит со временем к деполитизации и универсализации соответствующего лексического переноса.

Высказанное нами предположение о способности метафоры транслировать ментальные структуры одного исторического периода в общественное сознание другого нашло в изученном материале частичное подтверждение. Метафора *гидра*, имевшая в советской публичной речи первой половины XX в. преимущественно политическое содержание, приобрела в дальнейшем более общий смысл, но по-прежнему позволяет интерпретировать образ оппонента как чудовище, которому необходимо беспощадно рубить головы, уничтожая таким образом вселенское зло.

Рассмотренные примеры дают основания предположить, что в современном медиатексте, ориентированном на максимально широкую аудиторию, метафора, возникающая на базе разговорной лексики, оказывается более активной, чем опирающаяся на книжные пласты словаря. Однако для подтверждения данной гипотезы требуется дальнейший анализ эмпирического материала с учетом частотности других газетных метафор.

Изучение использования слов *болячка* и *гидра* в газете «Коммерсантъ» приводит нас к заключению о стабильной востребованности журналистским текстом как конкретных метафорических образов, так и фразеосхем (таких как *гидра чего-либо*). При этом отмечается эволюция метафор в направлении от «исторически специфичных» (*болячки аппарата, гидра контрреволюции*) к универсальным (*душевные болячки, гидра озлобленности*).

Еще один существенный вывод имеет характер не лингвостилистический, а лексикографический. Мы обнаружили значительные, принципиальные расхождения между речевой практикой и словарной фиксацией (в частности лишь немногие словари фиксируют значение слова *болячка* – «болезнь, травма», многократно реализуемое в медийной речи) и считаем важным подчеркнуть необходимость обновления лексикографических данных, в ходе которого важно уделить особое внимание тем контекстуальным смыслам слов, которые регулярно проявляются в материалах СМИ и должны, вероятно, оцениваться как новые переносные значения.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте культуры и жизни // Филологические исследования. М.; Л., 1990. С. 71–88.

Балашова Л. В. Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестник Омск. гос. ун-та. 1999. Вып. 4. С. 81–84.

Балашова Л. В. Русская метафора в диахронии: основные тенденции в развитии переносов в предметной сфере // Изв. Саратов. гос. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 3–7.

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134–140.

Басовская Е. Н. Идеологизация терминологии в советской науке (из истории термина «публицистический стиль») // Филология в XXI веке. 2022. № 1 (9). С. 14–22.

Белт Т. Газетные метафоры и политическое убеждение: экспериментальное исследование // Политическая лингвистика. 2007. № 3. С. 10–19.

Будаев Э. В., Солопова О. А., Заринов Р. И., Бойко А. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ. СПб.: Научное издание, 2021. 217 с.

Быкова Т. Ю. Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в советской прессе довоенного времени. (1930–1939 гг.) // Политическая лингвистика. 2011а. № 3 (37). С. 69–73.

Быкова Т. Ю. Советский Союз сквозь призму метафоры (1930–1931 гг.) // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: Материалы Междунар. заоч. науч.-метод. конф. Волгоград, 2011б. С. 161–166.

Быкова Т. Ю. Метафорические параллели в советском и американском политических дискурсах тридцатых годов // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2012а. № 32 (286). С. 22–25.

Быкова Т. Ю. Отражение советской действительности в зооморфной метафоре довоенного периода // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2012б. № 2. С. 21–25.

Быкова Т. Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг. // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 114–118.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 132–149.

Кондратьева О. Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 104–106.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 266 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Солганик Г. Я. Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 5–23.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Теория метафоры: Сб.: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

Хачецукова З. К., Ворожбитова А. А. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны. На материале передовых статей газеты «Правда»: Монография. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2021. 178 с.

Чудинов А. П. Динамика российской системы моделей политической метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сб. науч. тр. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. Вып. 12. С. 74–78.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

Список словарей

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1975. 600 с.

БАС1 – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 1–17.

БАС2 – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2004–2019. Т. 1–25. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html> (дата обращения 26.12.2022).

Бессарабова Н. Д. Из метафорического фонда. Словарь // Бессарабова Н. Д. Журналист и слово. М.: Фак. журн. МГУ, 2015. С. 83–174.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. (Ред. 2014 г.) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 26.12.2022).

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. М.: ГИС, 1957–1961.

Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006. 944 с.

СРПМ – Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 1. 680 с.

СЦиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1847. Т. 1. 415 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 26.12.2022).

ТСЯС – Мокшенок В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

References

Arutyunova N. D. Obraz, metafora, simbol v kontekste kul'tury i zhizni [Image, metaphor, symbol in the context of culture and life]. In: *Filologicheskie*

issledovaniya [Philological Research]. Moscow, Leningrad, 1990, pp. 71–88. (in Russ.)

Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. (eds.). Teoriya metafory [Metaphor theory]. Moscow, Progress, 1990, 512 p. (in Russ.)

Balashova L. V. Kognitivnyi tip metafory v diakhronii (na materiale perseptivnoi leksiki russkogo yazyka) [Cognitive type of metaphor in diachrony (based on the perceptual vocabulary of the Russian language)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Omsk State University], 1999, iss. 4, pp. 81–84. (in Russ.)

Balashova L. V. Russkaya metafora v diakhronii: osnovnye tendentsii v razvitiі perenosov v predmetnoi sfere [Russian metaphor in diachrony: the main trends in the development of transfers in the subject area]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov State University. Philology. Journalism], 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–7. (in Russ.)

Baranov A. N. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta [Political metaphor of a journalistic text]. In: *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary research]. Moscow, MSU Press, 2003, pp. 134–140. (in Russ.)

Basovskaya E. N. Ideologizatsiya terminologii v sovetskoi nauke (iz istorii termina “publicisticheskii stil”) [Ideologization of terminology in Soviet science (from the history of the term “journalistic style”).] *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st century], 2022, no. 1 (9), pp. 14–22. (in Russ.)

Belt T. Gazetnye metafory i politicheskoe ubezhdenie: eksperimental'noe issledovanie [Newspaper metaphors and political persuasion: an experimental study]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 3, pp. 10–19. (in Russ.)

Budaev E. V., Solopova O. A., Zaripov R. I., Boiko A. V. Metaforicheskii obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI [Metaphorical image of Russia's future in foreign media]. St. Petersburg, 2021, 217 p. (in Russ.)

Bykova T. Yu. Podgotovka k voine ili velikaya stroika? Metaforicheskii obraz Sovetskogo Soyuza v sovetskoi presse dovoennogo vremeni (1930–1939 gg.) [Preparation for war or a great construction site? The metaphorical image of the Soviet Union in the Soviet press of the pre-war period. (1930–1939)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 3 (37), pp. 69–73. (in Russ.)

Bykova T. Yu. Sovetskii Soyuz skvoz' prizmu metafory (1930–1931 gg.) [The Soviet Union through the prism of metaphor (1930–1931)]. In: *Sovre-*

mennye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: kontseptsii i perspektivy [Modern problems of linguistics and linguodidactics: concepts and perspectives]. Volgograd, 2011, pp. 161–166. (in Russ.)

Bykova T. Yu. Metaforicheskie paralleli v sovetskom i amerikanskom politicheskikh diskursakh tridsatykh godov [Metaphorical parallels in Soviet and American political discourses of the thirties]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 32 (286), pp. 22–25. (in Russ.)

Bykova T. Yu. Otrazhenie sovetskoj deistvitel'nosti v zoomorfnoi metafore dovoennogo perioda [Reflection of Soviet reality in the zoomorphic metaphor of the pre-war period]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian Studies], 2012, no. 2, pp. 21–25. (in Russ.)

Bykova T. Yu. Ottsy i deti velikoi strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1945–1954 gg. [Fathers and Children of a Great Country: the Metaphor of Kinship in the Soviet Political Media Discourse 1945–1954]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2014, no. 2 (48), pp. 114–118. (in Russ.)

Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 2013, 176 p. (in Russ.)

Chudinov A. P. Dinamika rossijskoi sistemy modelei politicheskoi metafory [Dynamics of the Russian system of models of political metaphor]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. Vladikavkaz, 2010, iss. 12, pp. 74–78. (in Russ.)

Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002, 477 p. (in Russ.)

Khachetsukova Z. K., Vorozhbitova A. A. Lingvoritoricheskie parametry sovetskogo ofitsial'nogo diskursa perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Linguistic and rhetorical parameters of the Soviet official discourse of the period of the Great Patriotic War. Based on the leading articles of the newspaper “Pravda”]. Moscow, 2021, 178 p. (in Russ.)

Kobozeva I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoi metafory [Semantic problems of political metaphor analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Philology], 2001, no. 6, pp. 132–149. (in Russ.)

Kondrateva O. N. Metafora kak lingvokul'turnyi fenomen [Metaphor as a linguocultural phenomenon]. *Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]*, 2014, no. 8, pp. 104–106. (in Russ.)

Kostomarov V. G. Russkii yazyk na gazetnoi polose. Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki [Russian language on the newspaper page. Some features of the language of modern newspaper journalism]. Moscow, 1971, 266 p. (in Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Moscow, 2004, 256 p. (in Russ.)

Solganik G. Ya. Obshchie osobennosti yazyka gazety [General features of the newspaper language]. In: *Yazyk i stil' sredstv massovoy informatsii i propagandy [Language and style of mass media and propaganda]*. Moscow, MSU Press, 1980, pp. 5–23. (in Russ.)

Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language. Language and worldview]*. Moscow, Nauka, 1988, pp. 173–204. (in Russ.)

List of Dictionaries

Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of Russian language]*. Moscow, 1975, 600 p. (in Russ.)

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian political metaphors]*. Moscow, 1994, 330 p. (in Russ.)

Bessarabova N. D. Iz metaforicheskogo fonda. *Slovar' [From the Metaphorical fund. Dictionary]*. In: Bessarabova N. D. *Zhurnalist i slovo [The journalist and the word]*. Moscow, 2015, pp. 83–174. (in Russ.)

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [The Great Academic Dictionary of Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 2004–2019, vol. 1–25. (in Russ.) URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> (accessed 26.12.2022).

Evgeneva A. P. (ed.). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of Russian language]*. Moscow, 2003, vol. 1, 680 p. (in Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Big Explanatory Dictionary of Russian language]*. St. Petersburg, 1998. 2014 edition. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 26.12.2022).

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdepii [Explanatory dictionary of the Soviet language]*. St. Petersburg, 1998, 704 p. (in Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, 2006, 944 p. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language]. Moscow, 1957–1961, vol. 1–4. (in Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, 1950–1965, vol. 1–17. (in Russ.)

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1847, vol. 1, 415 p. (in Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1935–1940, vol. 1–4. (in Russ.) URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 26.12.2022).

Информация об авторе

Евгения Наумовна Басовская, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57221665093

RSCI Author ID 269885

SPIN 3798-4215

Information about the Author

Evgeniya N. Basovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57221665093

RSCI Author ID 269885

SPIN 3798-4215

Статья поступила в редакцию 14.02.2023;

одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 15.03.2023

The article was submitted on 14.02.2023;

approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 15.03.2023